

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №3, Том 13 / 2022, No 3, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK322.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Клецкая, С. И. Стратегии и механизмы семантизации бессмысленного в интерпретациях фразы Хомского 'Colorless green ideas sleep furiously' / С. И. Клецкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK322.pdf>

For citation:

Kletckaja S.I. Strategies and mechanisms of semantization meaningless in the interpretations of the phrase of the Khomsky 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously'. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3(13): 05FLSK322. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK322.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Клецкая Светлана Ильинична

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Доцент кафедры «Рекламы и связей с общественностью»

Кандидат филологических наук

E-mail: kletckaja@inbox.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1021623

Стратегии и механизмы семантизации бессмысленного в интерпретациях фразы Хомского 'Colorless green ideas sleep furiously'

Аннотация. К настоящему моменту сложилась достаточно богатая традиция семантизации и интерпретации знаменитой фразы Н. Хомского 'Colorless green ideas sleep furiously', созданной как пример грамматичного, но бессмысленного высказывания, однако данный материал до сих пор не получил систематического лингвистического осмысления. На основании анализа, опирающегося на методы лексико-грамматического и коммуникативно-прагматического анализа, а также категории, выработанные теорией текста, теорией дискурса и нарратологией, в статье описываются две стратегии семантизации фразы Хомского: поиск изотопии с опорой на переносные значения и конструирование гипотетического коммуникативного контекста, в котором данная фраза могла бы возникнуть. Анализ показал, что только первая стратегия способна обеспечить более завершенные, полные и цельные интерпретации, тогда как вторая стратегия, которая предполагает отсылку к конструируемой фиктивной фигуре автора, отличной от реального автора («поэт», «наркоман», «сумасшедший», «публицист» и т. п.), лишь намечает общее направление интерпретации. Эти две стратегии в значительной степени предполагают друг друга и часто используются в комплексе, однако остаются автономными. В силу этого стратегию конструирования гипотетического коммуникативного контекста можно рассматривать как предварительное условие применения стратегии поиска изотопии. При этом ни каждая из этих стратегий в отдельности, ни обе стратегии в комплексе не способны обеспечить единой «канонической» интерпретации фразы Хомского. Также анализ позволяет прийти к заключению, что степень отклонения бессмысленного речевого материала от правил и конвенций языковой системы в значительной степени определяет набор применимых к нему стратегий интерпретации. Результаты исследования позволяют пролить свет на механизмы коммуникации и интерпретации, которые в случае с заведомо бессмысленными фразами проявляются более ярко.

Ключевые слова: лингвистический абсурд; бессмыслица; нонсенс; семантизация; интерпретация; изотопия дискурса; Хомский

Введение

Н. Хомский предложил фразу *Colorless green ideas sleep furiously* (далее для краткости «фраза Хомского») в качестве примера грамматичного, но лишённого смысла высказывания в книге «Синтаксические структуры» (1957) [1, p. 15]. Основная задача, которую решал Н. Хомский в этом случае, заключалась в демонстрации автономности грамматики по отношению к семантике. Поскольку грамматика автономна, она, соответственно, может исследоваться без обращения к значению предложений и входящих в них языковых единиц. Менее известно, что этот пример возник в контексте полемики Хомского с вероятностными и статистическими моделями языка, которые, по мнению Хомского, не могут служить адекватному описанию ни грамматики, ни, шире, речевой деятельности (подробнее см., например, в статье П. Норвига [2] и ее развернутой версии [3]). В более широком контексте — который, правда, сам Хомский не имел в виду — данная фраза часто возникает в качестве языкового материала в связи с осмыслением категориальных ошибок, то есть формально правильных высказываний, которые при этом являются бессмысленными (см. фундаментальную работу Г. Райла, в которой эта проблема была впервые в современном виде сформулирована [4]).

Постулирование полной автономности грамматики по отношению к лексическому наполнению приводит к тому, что бессмысленные высказывания становятся полноценными объектами лингвистического исследования. Отчасти в силу этого соображения, отчасти под влиянием критики характеристика высказываний вроде *Colorless green ideas sleep furiously* как грамматичных, но бессмысленных впоследствии была отброшена самим Хомским. Уже в книге «Аспекты теории синтаксиса», которая увидела свет в 1965 году [5], он предложил кардинально иной подход, в соответствии с которым подобные фразы являются не только асемантичными, но и аграмматичными, то есть предложил совершенно иную — если не семантическую, то семантизированную — трактовку синтаксиса.

Тем не менее, фраза Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* быстро стала известной и даже знаковой, превратившись в своего рода символ порождающей грамматики. О популярности этой фразы может свидетельствовать, например, то, что она вошла в знаменитый сборник крылатых выражений «Bartlett's Familiar Quotations»¹, который, постоянно обновляясь, издаётся с 1855 года. Отметим, что это единственная фраза Хомского, которая, несмотря на всю его научную влияние и политическую активность, получила подобное признание.

Стоит обратить внимание, что та же фраза с изменённым порядком слов, которую Хомский рассматривает как пример аграмматичного высказывания (*Furiously sleep ideas green colorless* [1, p. 15]), такого же «интерпретационного бумажка», который окружал фразу *Colorless green ideas sleep furiously*, не породила. По крайней мере, примеры попыток семантизации немногочисленны и представлены семантизацией данной фразы путем ее помещения в поэтический контекст. Нам известны две таких попытки. Одна из них была предпринята Мэри Джонсон в публикации 1965 года на страницах журнала «College English» (см. [6, p. 57]), вторая принадлежит перу поэта Клайва Джеймса². Впрочем, стоит подчеркнуть, что в обоих случаях речь не идет о цельном предложении — исходный пример Хомского членится на ряд

¹ Bartlett's Familiar Quotations. New York: Little, Brown and Company, 2012.

² James C. The book of my enemy: collected verse, 1958–2003. London: Picador, 2003. P. 226. URL: <https://archive.org/details/bookofmyenemycol0000jame>.

самостоятельных неполных предложений, синтагм или самостоятельных конструкций, то есть предполагаемая (но в действительности отсутствующая) целостность исходной конструкции нарушается, и благодаря этому последовательность слов приобретает некоторый смысл. Ср. соответствующий фрагмент из стихотворения М. Джонсон, в котором мы имеем дело с синтаксически фрагментированной последовательностью «повелительное предложение — обращение — обособленные определения»: *Address yourself, Ideas, to sleep. // Furiously sleep, Ideas, green, colorless, // involved in green, careless of responsibility...*

Одним из наиболее значимых моментов в судьбе фразы *Colorless green ideas sleep furiously* является вопрос о том, действительно ли она лишена смысла. Имеется большое количество работ, в которых бессмысленность этой фразы отрицается; также было создано немало текстов, преимущественно поэтических, в контексте которых эта фраза оказывается осмысленной.

Цель данной статьи состоит в анализе основных стратегий семантизации фразы *Colorless green ideas sleep furiously*. В ходе исследования использовались **методы** лексико-грамматического, коммуникативно-прагматического, дискурсивного и текстового анализа. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что, хотя имеется целый ряд работ, в которых собраны интерпретации фразы Хомского (в том числе путем включения в специально созданный для этого текст) [6; 7; 8, p. 166–168], до настоящего момента данный материал не получил систематического, теоретического, собственно лингвистического осмысления. В то же время проблема семантизации бессмысленных высказываний и текстов представляет научную ценность, поскольку не только проливает свет на границу между осмысленным и бессмысленным в языке и речи, но и позволяет глубже понять структуру коммуникативного процесса [9]. Особенно значимым представляется сопоставление семантизации частично конвенциональных фраз вроде фразы Хомского, в которых лексемы соединяются посредством грамматических правил с полностью аграмматичными и асемантичными высказываниями вроде *дыр бул щыл* А. Крученых (этот материал также был ранее нами проанализирован, см. [10]). В частности, особого внимания заслуживают различия в стратегиях семантизации, которые оказываются результативными в каждой категории случаев.

Как показал анализ, при семантизации фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* абсолютно доминируют две стратегии. Первая из них опирается на переносные трактовки и поиск изотопии, вторая предполагает реконструкцию гипотетического контекста, в которой фраза Хомского могла бы иметь смысл.

1. Поиск изотопии и переносная трактовка в интерпретации фразы Хомского

Метафорическое переосмысление фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* направлено на преодоление очевидной смысловой несочетаемости ее компонентов. Аргументируя бессмысленность данной фразы, авторы постоянно ссылаются на несовместимость смыслов входящих в нее словоформ. Например, вот как формулирует проблемы, с которыми сталкивается интерпретатор данного выражения, С. Оделл: «Идеи и зеленые вещи принадлежат к абсолютно различным категориям. То же касается идей и спящих вещей. Логически невозможно, чтобы бесцветные вещи были зелеными. И сон — это не то, что может осуществляться яростно» [11, p. 48]. Те же рассуждения повторяет Дж. Касти: «...как бесцветные идеи могут быть зелеными? И что могло бы означать то, что идея спит? Или спит яростно?» [12, p. 12].

Решение этой проблемы заключается в поиске семантической изотопии, которая связывала бы все компоненты фразы. При этом необходимым условием нахождения такой изотопии является переносная интерпретация словоформ в составе фразы Хомского. Как

показывает материал, подавляющее большинство авторов интерпретаций фразы Хомского прибегают к этой стратегии.

Понятие изотопии как инструмента анализа текста и дискурса было разработано А.-Ж. Греймасом, который понимал под данным явлением семный повтор, а точнее, соседство в предложении или тексте лексем, которые содержат одни и те же семы [13]. Так, в предложении *Собака лает*, с точки зрения Греймаса, уже можно выявить изотопическую цепочку, поскольку понятия лая и собаки предполагают друг друга и лай естественно определить как проявление собаки (слово *собака* содержит в себе сему 'лай', а слово *лай* — сему 'собака', оба слова в составе фразы предполагают семы 'одушевленный', 'животное' и т. д.). Изотопия, будучи фундаментальным механизмом связности текста, как таковая не осознается, однако играет важную роль в снятии неоднозначности текста. Модифицируя примеры, приводимые Греймасом [13, с. 102–103], в качестве иллюстрации можно указать на то, что в выражениях *непокрытая голова*, *сахарная голова*, *городской голова* лексема *голова* получает разные значения на основании изотопии, формируемой непосредственным окружением слова.

Одной из наиболее известных и ранних интерпретаций фразы Хомского, фактически основанных на поиске изотопии, является интерпретация, предложенная Р.О. Якобсоном [14, с. 237]. Разумеется, Якобсон не апеллирует к категории изотопии прямо, поскольку Греймас опубликовал результаты своих исследований гораздо позже публикации цитируемой работы Якобсона. Намечая возможные трактовки этого предложения, Якобсон обращается прежде всего к его грамматическим категориям и синтаксической структуре, что позволяет ему реконструировать ситуацию, репрезентируемую данным предложением. Однако, кроме того, Якобсон опирается на переосмысление буквальных значений слов и, в частности, указывает, что *бесцветный* может означать «бледный», а соответственно, *бесцветные зеленые идеи* можно понимать как *бледно-зеленые идеи* (бесцветность зеленого применительно к фразе Хомского довольно часто интерпретируется как тусклость или матовость). Аналогичным образом Якобсон интерпретирует и остальные составляющие высказывания, указывая, что в переносном смысле идеи также могут впасть сон, то есть пребывать в состоянии онемелости, инертности, апатичности, которое сон напоминает. Наречие *яростно* (*furiously*) Якобсон рассматривает как эмфатический синоним наречия *крепко*. Соответственно, фразу Хомского, согласно Якобсону, можно интерпретировать как 'бледно-зеленые идеи пребывают в глубоко инертном, застывшем состоянии'.

Отметим, что такая актуализация поэтического измерения языка в интерпретации Якобсона не кажется случайной. За такой интерпретацией, несомненно, стоит специфическая чувствительность языковой личности, обладающей определенным языковым опытом в плане работы с необычным, нестандартным использованием языка. Хорошо известно, что Якобсон в молодости не только активно контактировал с русскими футуристами и исследовал их произведения, но и сам занимался поэтическим творчеством (см., например, [15, р. 311–312]; многие материалы, свидетельствующие об этом, собраны в книге «Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза»³). По всей видимости, Якобсон сумел увидеть потенциальную осмысленность фразы Хомского во многом благодаря этому личному опыту.

Тем не менее, как показывает материал, интерпретации фразы Н. Хомского, основанные на переносном осмыслении ее компонентов и поиске изотопии, довольно сильно расходятся, поскольку их авторы прибегают к различным смысловым потенциалам отдельных лексем.

---

³ Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подг. текста, вступ. статьи и комм. Б. Янгфельдта. — М.: Гилея, 2012. — 306 с.

Так, Р. Мартен интерпретирует предикативную группу фразы Хомского *идеи яростно снят* как указание на забытые идеи, а прилагательное *зеленый* понимает как своего рода призыв отправиться на лоно природы (приводится по работе [7, с. 8]). В этом случае, впрочем, не ясно, каким образом эти смыслы сочетаются в анализируемой фразе.

Согласно Дж. Миллеру, Т. Рейнхарт предлагает истолковать *green* ‘зеленый’ как ‘незрелый’ по аналогии с выражением *зеленое/незрелое яблоко*, а следовательно, трактовать *green ideas* как ‘неразвитые идеи’ [16, с. 277] (этот факт также упоминается Бочкаревым [7, с. 8]). Этот подход позволяет построить довольно связную интерпретацию фразы Хомского, которая с такой точки зрения описывает рождение каких-то идей, пока еще не оформленных. В целом это можно описать как состояние, когда некоторая идея, которую человек пока не способен сформулировать, все-таки присутствует в его сознании и не дает ему покоя. Ярким примером продолжения этого направления семантизации фразы Хомского является текст, созданный китайским лингвистом Юань Рен Чао⁴ (этот текст также приводится в статье [8, р. 167]). В работе А. Преды и М. Трифан со ссылкой на английскую Википедию упоминается близкая анонимная интерпретация фразы Хомского как ‘*nondescript immature ideas have violent nightmares*’ (прибл. ‘неописуемо-неопределенные незрелые идеи испытывают интенсивные ночные кошмары’) [8, с. 166].

Б.А. Успенский интерпретирует словосочетание *colorless green ideas* как выражение отрицательной оценки экологических идей (например, выдвигаемых экологическими партиями), которое предполагает характеристику «зеленых» идей как тусклых, неинтересных, бессодержательных, а в словосочетании *sleep furiously* он видит оксюморонное выражение, аналогичное выражению *агрессивно-пассивное большинство*, которое характерно для политической риторики [17, с. 172].

Обратим внимание, что метафорически-метонимическое толкование прилагательного *green* (‘связанный с экологией’) в интерпретации Б.А. Успенского полностью снимает противоречие между ним и прилагательным *colorless*, которое, впрочем, тоже переосмыляется метафорически. Противоречие и несочетаемость, констатируемые многими авторами, возникают, поскольку оба эти прилагательных в своих буквальных, основных значениях содержат общую абстрактную сему ‘цвет’, но при этом первое прилагательное *colorless* эту сему отрицает.

В интерпретации Б.А. Успенского специфичным оказывается и толкование предикативной группы. Согласно этой интерпретации, речь идет не об идеях индивидуального сознания, а об идеях, существующих в массовом сознании и каким-то образом себя манифестирующих (например, в публичных высказываниях). В этом отношении данная интерпретация кардинально отличается от большинства других, поскольку в них подразумеваются идеи как «личное достояние» человека, как то, что хранится где-то на задворках его сознания. С точки зрения интерпретации Б.А. Успенского, у потенциального автора фразы *Colorless green ideas sleep furiously* подобная публичная манифестация экологических идей вызывает скепсис и раздражение, поскольку они воспринимаются им как несущественные, возможно, избытые, но назойливо навязываемые.

Поиск изотопии посредством переносного толкования компонентов фразы Хомского нельзя в полной мере считать «изобретением» лингвистов. Заслуживает внимания то, что сочетания пар слов, формирующих фразу Хомского, не являются абсолютно необычными. П. Норвиг в полной версии полемической статьи, направленной на защиту статистических

---

⁴ См., например: Chinese linguist, phonologist, composer and author, Yuen Ren Chao // Calisphere (University of California) — The deeper you look, the more you discover. URL: <https://oac.cdlib.org/view?docId=hb8779p27v:NAAN=13030&doc.view=frames&chunk.id=div00082&toc.id=div00006&brand=calisphere> (дата обращения: 29.10.2021).

моделей языка [3], приводит реальные примеры из англоязычной публицистики первой половины XX века, в которых встречаются аналогичные сочетания: *It is neutral green, colorless green, like the glaucous water lying in a cellar* (Elisabeth Finley Thomas, «The Paris we remember», 1942); *To specify those green ideas is hardly necessary, but you may observe Mr. [D.H.] Lawrence in the role of the satiated aesthete* (William White, *The New Republic*, 1922, vol. 29), *Ideas sleep in books* (Current Opinion, vol. 52, 1912). Аналогичные, хотя и не настолько же точно соответствующие сочетания приводит и Р.О. Якобсон, обнаруживая их у Э. Марвелла (*Green thought in a green shade*) и Л.Н. Толстого (*Все тот же ужас красный, белый, квадратный*) [14, с. 237].

Эти примеры свидетельствуют о том, что по крайней мере сочетания пар слов, включенных в фразу Хомского (*colorless green, green ideas, ideas sleep*), фиксируются в языковых корпусах в период, предшествовавший тому времени, когда этот пример был сформулирован и опубликован Хомским. Заметим, что эти употребления принадлежат к текстам, созданным за десятилетия до выхода «Синтаксических структур», которые увидели свет в 1957 году.

Впрочем, эти примеры задают совершенно иное направление в оспаривании бессмысленности фразы *Colorless green ideas sleep furiously*, которое не имеет отношения к семантизации этой фразы, а потому выходит за пределы проблематики данной статьи. В контексте данной работы эти факты можно рассматривать как свидетельство того, что некоторые из рассмотренных выше семантизаций не только возможны, но и нашли непосредственное отношение в реальной речевой практике. Если фраза Хомского необычна и оригинальна, то лишь в том отношении, что ее автор, не осознавая этого, соединил эти возможности, ранее в речи кем-то уже реализованные.

Приведенные примеры определенно свидетельствуют, что фраза Хомского при допущении переносных смыслов для ее компонентов вполне допускает интерпретацию, то есть может считаться осмысленной. Действительная трудность небуквальной интерпретации, по нашему мнению, заключается в нахождении нескольких цепочек изотопий, которые способны обеспечить интегральное толкование для всего высказывания. Нахождение интерпретации необычного и даже противоречивого сочетания двух слов — задача, предполагающая изобретательность, но все же относительно легкая и даже продуктивная. В качестве подтверждения можно привести технику сочинительства Джанни Родари, которая предполагает придумывание сюжета на основе двух далеких друг от друга понятий, например, «пес — шкаф», «свет — ботинки»⁵. В случае с фразой Хомского недостаточно подобрать переносные смыслы, которые делали бы осмысленными отдельные сочетания слов (*colorless green, green ideas, sleep furiously* и т. д.), — необходимо выбрать эти переносные смыслы таким образом, чтобы семантически согласованными оказались интерпретации всех компонентов. Полноценная интерпретация предполагает нахождение нескольких изотопий для предложения в целом, которые должны быть согласованы друг с другом.

Второй важный момент, касающийся семантизации фразы Хомского посредством описанной стратегии, состоит в том, что на ее основании вряд ли может быть предложена ее «каноническая» интерпретация. Обращение к возможностям, предоставляемым переносными значениями слов, создает набор возможных интерпретаций, ни одна из которых не может быть признана окончательной, и набор рассмотренных интерпретаций вряд ли является закрытым, поскольку нельзя исключить, что возможно обнаружить еще один вариант осмысленного объяснения данной фразы. В этом смысле кажется правомерным утверждать, что усилия

---

⁵ Родари Д. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй / Д. Родари. — М.: Прогресс, 1990. — С. 25–24.

лингвистов, направленные на поиск интерпретации фразы Хомского, несмотря на их продуктивность, все-таки не достигают своей цели. Причина этого кроется в отсутствии реального контекста, включающего реального отправителя. И этот момент позволяет нам перейти ко второй основной стратегии семантизации фразы Хомского.

2. Семантизация фразы Хомского посредством конструирования фигуры фиктивного автора и контекстуальной рамки

Приведенные примеры показывают, что семантизация фразы Хомского не ограничивается простым переосмыслением значений входящих в него компонентов. Уже в предыдущих примерах так или иначе подразумевается переосмысление ситуации, в которой была порождена фраза Хомского: ее интерпретация возможна если не в поэтическом, то в образном ключе. В частности, как уже указывалось, Р.О. Якобсон сопоставляет фразу Хомского с примерами из художественной литературы, что само по себе предполагает интерпретацию этой фразы как «поэтической». Этот пример далеко не единственный, если учесть многочисленные попытки семантизировать данную фразу путем ее помещения в контекст реального поэтического произведения (примеры таких попыток собраны в статье [6]). Интерпретация, предлагаемая Б.А. Успенским, предполагает скорее переосмысление фразы как заголовка газетной передовицы, то есть в контексте публицистического высказывания.

В этом же ряду можно упомянуть семантизации, предлагаемые Б.М. Гаспаровым, который соотносит фразу Хомского, во-первых, с контекстом лингвофилософских исследований XX века, часто обращавшихся к «парадоксальным языковым “монстрам”», а во-вторых, с практиками художественного дискурса американских «шестидесятников» [18, с. 316]. Нельзя не упомянуть статью А. Хилла «Grammaticality» [19] (русский перевод [20]), в которой приводятся мнения респондентов, сравнивающих эту фразу с современной поэзией или детской считалкой.

В формулировке оснований для трактовки еще дальше идет Мишель Фуко, который предлагает для фразы Хомского сразу четыре возможных контекста. По его мнению, эта фраза «лишена смысла только в том случае, если предположить, что некоторое число возможностей уже исключено, признать, что речь идет не об описании сна, поэтическом тексте, зашифрованном послании или словах наркомана» [21, с. 91]. Этот список кажется чрезвычайно исчерпывающим, однако к нему, пожалуй, следовало бы добавить слова сумасшедшего, а также, как будет показано позже, дискурс лингвиста.

Обратим внимание, что некоторые из контекстуальных рамок, предлагаемых Фуко, не предполагают обязательного переносного осмысления входящих в фразу Хомского слов и словосочетаний. Зашифрованное послание, несомненно, предполагает изменение значений языковых единиц (или, точнее, немотивированную замену одних языковых единиц другими) либо своего рода фразеологизацию, которая заключается в создании целостной ключевой фразы, которая имеет смысл, абсолютно не выводимый из ее составляющих (ср. пример пароля, который во избежание ошибки должен обладать максимальной уникальностью). Однако в этом случае нельзя говорить о переносных, пусть даже авторско-оказиональных, значениях лексических единиц, поскольку эффективность шифра напрямую определяется *отсутствием* связи между исходным и заменяемым словами, связи, которая могла бы быть очевидной для стороннего наблюдателя. В остальных случаях также правомерно говорить о деформации языкового кода особого типа. Слова наркомана или сумасшедшего могут быть описанием его видения, и несогласованность элементов этого описания можно объяснить спутанностью сознания говорящего, то есть без опоры на переносные трактовки. Это свидетельствует о том, что рассматриваемые в данной статье стратегии полностью не совпадают. Тем не менее, во всех

случаях предполагается либо своего рода трансформация, либо разрушение языкового кода — рамки, которые делают аномальность фразы Хомского объяснимой. Окационально-авторское переносное употребление слов с такой точки зрения оказывается одним из частных случаев деформации языковой конвенции.

Особенность такого контекстуально-ситуативного подхода к семантизации фразы Хомского состоит в неопределенности и недостаточности его результатов. Указание на контекстуальные рамки, в которых могла бы быть порождена данная фраза, лишь намечает общее направление семантизации, но еще не равнозначно интерпретации. В отличие от интерпретаций, основанных на нахождении изотопий, эта стратегия не дает конкретного, более или менее связного и однозначного прочтения.

Все эти интерпретации имеют еще одну общую черту: они связаны с отрицанием реального контекста создания этой фразы и домысливанием другого контекста, который либо вытекает из смысловой интерпретации, либо выступает как набор условий, в которых фраза Хомского могла бы иметь смысл. Парадоксальность этой стратегии интерпретации состоит в том, что интерпретаторы полностью игнорируют реальные условия порождения анализируемого предложения. Судя по всему, до сих пор никто в полной мере не обращал внимания на то, что предложение, придуманное Н. Хомским, совершенно уместно с точки зрения дискурса лингвиста. Иллюстрация возможности грамматически правильного предложения, которое является бессмысленным или семантически неприемлемым, — практика, вполне естественная для лингвистики (и не только для лингвистики, если учесть популярность проблемы категориальных ошибок в философии XX века). Другими словами, контекст, в котором это предложение должно считаться валидным, существует, и это реальный контекст, в котором предложение было создано.

Таким образом, контекст создания этой фразы — дискурс лингвиста, который целенаправленно приводит пример *бессмысленного* высказывания, — представляет собой еще один частный случай условий, которые делают эту фразу если не осмысленной, то потенциально объяснимой. Пример Хомского — это не объективный речевой факт, который был зафиксирован с целью его анализа, а искусственный конструкт, который лингвист намеренно создал, чтобы проиллюстрировать возможности, находящиеся за пределами нормы, узуса, типичного речевого обращения, и который используется в качестве элемента научной аргументации, направленной на обоснование определенных идей.

К этой мысли приближается Б.Ю. Норман, когда он описывает категорию псевдовысказываний, то есть высказываний, которые не служат для отражения некоторой референтной ситуации и используются в практике лингвистов, педагогов, а также в художественной речи. Впрочем, в аргументации Б.Ю. Нормана содержится противоречие. С одной стороны, он указывает, что псевдовысказывания не имеют контекста [22, с. 32–33]. С другой стороны, все приводимые им примеры показывают, что псевдовысказывания не только функционируют в особых, пусть и крайне специфических с точки зрения обычного общения контекстах, но и подчинены отчетливым функциям, то есть обладают прагматикой. То, что этот контекст нетипичен для обычного использования языка, вряд ли дает нам основания утверждать, что у псевдовысказываний отсутствуют семантика, прагматические функции или контекст. Вряд ли есть смысл ограничивать семантику и прагматику их наиболее частотными формами, реализующимися в обыденном нематаязыковом общении.

Специфичность интерпретативной активности вокруг фразы Хомского состоит, следовательно, в том, что интерпретаторы рассматривают данное высказывание как реальное или возможное/невозможное, не учитывая действительного контекста его создания, хотя именно этот контекст позволяет исчерпывающим образом возникновение этого высказывания объяснить. Следовательно, к списку интерпретаций (например, предложенных М. Фуко)

следовало бы добавить еще один пункт — упоминание лингвиста, создающего пример бессмысленного, но грамматичного предложения.

Стратегию конструирования фигуры гипотетического автора можно осмыслить с опорой на категории, выработанные нарратологией. Сразу же подчеркнем, что в данном контексте эти категории не являются абсолютно адекватными, поскольку были выработаны в процессе осмысления коммуникативных особенностей повествовательных (преимущественно художественных) текстов. Тем не менее, нарратологические категории дают удобную точку отсчета для анализа стратегии семантизации фразы Хомского, основанной на конструировании гипотетического контекста.

В контексте данной работы принципиально важным представляется разграничение конкретного и абстрактного (имплицитного, *implied*) автора (см., например, [23, с. 46–48; 24, с. 41–42, 53–57; 25, р. 239–240]). Конкретный автор — это лицо, создавшее текст, то есть реальная историческая личность, человек, который существовал бы, даже если бы не создал рассматриваемый текст. Абстрактный автор — это образ автора, который можно реконструировать на основании индексальных симптомов, содержащихся в самом тексте и представляющих собой след, ненамеренно оставленный в самом тексте конкретным автором. Опора на понятия индексального знака и симптома в этом случае существенна, поскольку понятие абстрактного автора опирается на трактовку экспрессивной функции языкового знака в теории К. Бюлера, который характеризует экспрессивное измерение знака как «симптом» [26, с. 34–38]. Между абстрактным автором и конкретным автором нет совпадения также в том отношении, что различные тексты одного и того же конкретного автора хотя и имеют между собой немало общего, но не совпадают абсолютно и как бы предполагают разных абстрактных авторов. В конечном счете, абстрактный автор — это внутритекстовая категория, которая с точки зрения читателя обеспечивает единство текста и отражена в каждом компоненте его вербальной структуры.

Разумеется, понятие абстрактного автора является текстовой категорией и обычно реализуется не на уровне отдельного предложения, а в последовательности предложений, формирующих художественный текст, однако от этого различия в данном контексте можно отвлечься. Мы вполне можем попытаться реконструировать абстрактного автора, стоящего не за текстом, а за предложением, тем более что произведения, состоящие из одного предложения, существуют (ср. афоризмы или такие определенно авторские произведения, как однострочные стихотворения, или моностихи [27, с. 19–20]).

В контексте разграничения конкретного и абстрактного (имплицитного) автора интерпретации фразы Хомского следует охарактеризовать не просто как реконструирование абстрактного автора, а как намеренное конструирование абстрактного автора, который — прибегнем к другому термину нарратологии — заведомо является фиктивным (вымышленным). Эта операция обладает ярко выраженной спецификой. При описании художественного текста особо остро стоит проблема разграничения конкретного и абстрактного автора, которые постоянно смешиваются, поскольку имеют между собой много общего, и обусловлена эта проблема близостью и практически полной неразличимостью этих повествовательных инстанций; именно поэтому важно четко отграничивать отсылку к реальной личности автора от той реконструкции, которую на основании текста может сделать читатель. В случае с интерпретациями фразы Хомского контраст между конкретным автором и абстрактным автором, наоборот, является разительным: это разные люди, которые преследуют совершенно разные цели.

Из нарратологии можно заимствовать альтернативную модель объяснения, связанную с противопоставлением автора (как реального, так и абстрактного) нарратору (рассказчику, повествователю в традиционной отечественной терминологии) — гипотетическому существу,

от лица которого ведется рассказ и которое более или менее намеренно конструируется автором [23, с. 72–72; 24, с. 63–95]. Фигура нарратора, в отличие от фигуры автора, является вымышленной и принадлежит к фиктивному миру произведения, а потому всегда четко отличается от автора.

Такое осмысление позволяет объяснить радикальное различие между фигурой Хомского как реального автора высказывания и теми воображаемыми фигурами, которым в процессе семантизации фраза Хомского приписывается. Эти воображаемые фигуры, несомненно, являются фиктивными и вводятся исключительно для того, чтобы указать на условия, в которых фраза Хомского является осмысленной. Однако в отличие от традиционного повествования фраза Хомского не подразумевает расщепления между автором и нарратором, а конструирование фигуры нарратора ни в каком смысле в намерения ее автора не входило и не вытекает из контекста, в котором эта фраза функционирует.

Наиболее обоснованным кажется вывод, в соответствии с которым гипотетическая фигура, которую реконструируют интерпретаторы фразы Хомского, соединяет свойства абстрактного автора и нарратора. По всей видимости, возможность такого альтернативного осмысления свидетельствует о том, что модели, выработанные нарратологией, не универсальны и отражают специфику литературно-художественной коммуникации, а потому лишь частично применимы к коммуникативным ситуациям иного типа. В то же время такое положение косвенно доказывает утверждение о том, что образ автора — это не «конструкт», а «реконструкт», который создается читателем на основании индексальных симптомов, внедренных в текст [24, с. 54]. Аномальность фразы побуждает ее интерпретаторов искать условия, в которых эта фраза могла бы быть произнесена, и реконструирование фиктивной фигуры говорящего осуществляется исключительно на основании лексико-грамматических особенностей фразы без опоры на реальный контекст, который авторам семантизаций известен.

3. Результаты и обсуждение

Таким образом, можно выделить две основные стратегии семантизации фразы Хомского. Во-первых, это установление изотопии между компонентами предложения (преимущественно с опорой на трактовку его компонентов как употребленных переносно); во-вторых, это (ре)конструирование гипотетического контекста, который включает гипотетического автора фразы и в котором данная фраза могла бы быть порождена. Нетрудно увидеть, что эти стратегии связаны. С одной стороны, если не все, то подавляющее большинство реконструкций возможных контекстов, в которых фраза Хомского могла бы иметь смысл, а ее появление было бы объяснимым, так или иначе предполагают либо переносную трактовку компонентов данной фразы, либо иную трансформацию (и даже деформацию) языкового кода. С другой стороны, метафорическое осмысление фразы Хомского — самый распространенный вариант ее семантизации — уже неявно предполагает конструирование «фиктивного абстрактного автора», то есть гипотетического лица, эту фразу порождающего и не совпадающего с ее реальным автором. Это проявляется в том, что образные интерпретации явно противоречат реальному контексту, в котором фраза Хомского была действительно создана. Последний момент кажется особенно значимым, поскольку реальный контекст создания фразы Хомского сам по себе способен полностью объяснить ее появление.

Примечательно, что в «Аспектах теории синтаксиса» Хомский мимоходом признает уместность этих двух стратегий, причем пишет об их комплексном применении: «Предложения, которые нарушают правила выбора, часто могут быть интерпретированы *метафорически* (в частности, посредством персонификации...) или *иносказательно* тем или

иным образом, если имеется соответствующий *более или менее сложный контекст*» (курсив мой. — К.С.) [5, p. 160].

Конкретность и завершенность результата семантизации в большей степени обеспечивают толкования, основанные на нахождении изотопии и переносном толковании компонентов фразы. Однако даже эта стратегия дает множество гипотетических толкований, не всегда в полной мере цельных и последовательных. Необходимо подчеркнуть, что ни каждая из стратегий в отдельности, ни обе стратегии, применяемые комплексно, не позволяют выработать единой «канонической» интерпретации. Фразу, имеющую множество альтернативных и равновероятных интерпретаций, исключающих друг друга, вряд ли можно квалифицировать как бессмысленную, но все-таки целесообразно не считать получившей полноценную интерпретацию, поскольку идеалом коммуникации в большинстве случаев является однозначность интерпретации. Дополнительными факторами, поддерживающими эту оценку, является то, что данная фраза, во-первых, является искусственным конструктом (псевдовысказыванием, по Б.Ю. Норману), а во-вторых, ее интерпретации предполагают конструирование фиктивного контекста.

Нам уже приходилось рассматривать с аналогичной точки зрения подобный материал при анализе стратегий семантизации стихотворения А.Е. Крученых «дыр бул щыл» или его фрагментов [10]. Особенность фразы Н. Хомского обусловлена тем, что эта фраза построена из конвенциональных, общеупотребительных лексем в соответствии с грамматическими правилами английского языка. Стихотворение Крученых вообще не может быть осмыслено с опорой на устойчивые лексические и грамматические паттерны языка, что определяет иной набор возможных подходов к его семантизации. Не вызывает сомнений, что особенности языкового материала непосредственно определяют те стратегии, которые оказываются если не эффективными и результативными, то хотя бы приемлемыми при его интерпретации. Другое важное следствие этого момента состоит в степени расхождений между результатами применения избранных интерпретативных стратегий. В этом плане авторы интерпретаций фразы Хомского, несмотря на все различия между их версиями, гораздо более единодушны по сравнению с интерпретаторами стихотворения Крученых. По крайней мере, и применяемые ими подходы, и получаемые ими результаты более однородны и согласованны.

Такое различие в наборе стратегий и результатах семантизации можно объяснить с опорой на градационные различия в степени абсурдности/бессмысленности высказываний. Например, из того, что абсурдность (бессмысленность) высказывания может иметь степень, исходит С.Дж. Оделл. С его точки зрения предложение, придуманное Н. Хомским, является более бессмысленным, чем предложение *Цезарь является простым числом*, но менее бессмысленным, чем предложения *No ozderst is red* или, тем более, *Ozderst vwxo ahlazza* (в первом примере фиктивным является только одно слово *ozderst*, во втором — все три слова) [11]. О степенях бессмысленности/абсурдности пишет также Ф. Росси-Ланди [28].

Тем не менее, некоторая общность между этими категориями все-таки обнаруживается. Проявляется она в том, что в обоих случаях — хотя и в несколько разной форме — мы имеем дело с приписыванием автору высказывания намерений, не обязательно соответствующих намерениям, которые были заявлены самим автором и, более того, являются документированными. Но если в стратегиях интерпретации стихотворения Крученых господствует приписывание тех или иных намерений самому автору, а дистанция между реальной авторской фигурой и ее реконструктом минимальна, то в случае с фразой Хомского мы имеем дело с конструированием особых авторских фигур, которые являются фиктивными и гипотетическими и очевидно не совпадают с фигурой Хомского (разумеется, реализуя иные намерения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Chomsky N. Syntactic Structures / N. Chomsky. — DOI 10.1515/9783110218329 — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. — XVIII, 117 p.
2. Norvig P. Colorless green ideas learn furiously / P. Norvig. — DOI 10.1111/j.1740-9713.2012.00590.x // Significance. — 2012. — Vol. 9. — № 4. — P. 30–33. — URL: <https://rss.onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/j.1740-9713.2012.00590.x> (дата обращения: 2.11.2021).
3. Norvig P. On Chomsky and the Two Cultures of Statistical Learning / P. Norvig // Peter Norvig. — URL: <http://norvig.com/chomsky.html> (дата обращения: 2.11.2021).
4. Ryle G. Philosophical arguments / G. Ryle // Ryle G. Collected papers. — Vol. 2. Collected Essays 1929–1968. — London, New-York: Routledge, 2009. — P. 203–221. — DOI 10.4324/9780203875308.
5. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. — Cambridge, London: The MIT Press, 2015. — XXIV, 270 p.
6. Jahn M. «Colorless Green Ideas Sleep Furiously»: A Linguistic Test Case and Its Appropriations / M. Jahn // Literature and Linguistics: Approaches, Models, and Applications: Studies in Honour of Jon Erickson. — Trier: Wissenschaftler Verlag, 2002. — P. 47–60. — URL: http://www.uni-koeln.de/~ame02/jahn_2002.pdf (дата обращения: 2.11.2021).
7. Бочкарев А.Е. Семантика. Основной лексикон / А.Е. Бочкарев. — Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. — 320 с.
8. Preda A. On text production and translation / A. Preda, M. Trifan // Studia Universitatis Babeş — Bolyai. Psychologia — Paedagogia. — Vol. LIII. — № 1. — P. 155–170. — URL: <http://studia.ubbcluj.ro/download/pdf/330.pdf> (дата обращения: 2.11.2021).
9. Клецкая С.И. Почему ищут смысл в бессмыслице? (Крученых и Хомский как невольные творцы смысла) / С.И. Клецкая. — DOI 10.37882/2223-2982.2021.07.15 // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 7. — С. 145–149. — URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/15017110-a6f4-43fb-bb88-20d20f8c64fc> (дата обращения: 2.11.2021).
10. Клецкая С.И. К вопросу о стратегиях семантизации бессмысленного высказывания (на материале интерпретаций «дыр бул щыл» А. Крученых) / С.И. Клецкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK320.pdf> (дата обращения: 2.11.2021).
11. Odell S.J. Nonsense / S.J. Odell. — DOI: 10.1111/j.1467-9973.1971.tb00225.x // Metaphilosophy. — 1971. — Vol. 2. — № 1. — P. 44–49.
12. Casti J.L. The Art of Language: Translating the linguistic into the visual / J.L. Casti. — DOI 10.1002/(SICI)1099-0526(199909/10)5:1<12::AID-CPLX2>3.0.CO;2-T // Complexity. — 1999. — Vol. 5. — № 1. — P. 12–15.
13. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / А.-Ж. Греймас. — М.: Академический проект, 2004. — 368 с.
14. Якобсон Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — С. 231–238.

15. Фещенко В.Р. Якобсон как агент культурного трансфера между лингвистикой и литературным экспериментом / В. Фещенко // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. — 2018. — Vol. IX. — № 2. — P. 309–317. — URL: http://uwm.edu.pl/cbew/2018-9-2/27_Vladimir_Feshchenko.pdf (дата обращения: 2.11.2021).
16. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // *Теория метафоры*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 236–284.
17. Успенский Б.А. *Ego Loquens*. Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. — М.: РГГУ, 2007. — 320 с.
18. Гаспаров Б.Л. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.Л. Гаспаров. — М.: «Новое литературное обозрение», 1996. — 352 с.
19. Hill A.A. Grammaticality / A.A. Hill. — DOI 10.1080/00437956.1961.11659742 // *Word*. — 1961. — Vol 17. — № 1. — P. 1–10. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1961.11659742> (дата обращения: 2.11.2021).
20. Хилл А. О грамматической отмеченности предложений / А. Хилл // *Вопросы языкознания*. — 1962. — № 4. — С. 104–110.
21. Фуко М. *Археология знания* / М. Фуко. — Киев: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
22. Норман Б.Ю. Псевдовысказывания как лингвистический феномен (на материале славянских языков) / Б.Ю. Норман // *Вестник Московского университета*. — Сер. 9. Филология. — 2010. — № 1. — С. 32–53. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14306439> (дата обращения: 2.11.2021).
23. Толмачев В.М. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины / В.М. Толмачев, И.П. Ильин, В.Л. Махлин и др. — Москва: Интрада — ИНИОН, 1999. — 320 с.
24. Шмид В. *Нарратология* / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
25. Herman D. *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* / D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. — London, New York: Routledge, 2005. — XXX, 718 p. — DOI 10.4324/9780203932896.
26. Бюлер К. *Теория языка. Репрезентативная функция языка* / К. Бюлер. — М.: Прогресс, 1993. — 528 с.
27. Гаспаров Б.Л. *Русский стих начала XX века в комментариях* / Б.Л. Гаспаров. — М.: «Фортуна Лимитед», 2001. — 288 с.
28. Rossi-Landi F. *On Absurdity* / F. Rossi-Landi // *Rossi-Landi F. Between sign and non-sign*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 1992. P. 131–156. — DOI 10.1075/ct.10.

Kletckaja Svetlana Il'ichna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

E-mail: kleckaja@inbox.ru

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1021623

Strategies and mechanisms of semantization meaningless in the interpretations of the phrase of the Khomsy 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously'

Abstract. To date, there is a fairly rich tradition of semantization and interpretation of the famous phrase N. Khomsy 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously', created as an example of a grammatical, but meaningless statement, but this material has not yet received a systematic linguistic understanding. Based on the analysis based on the methods of lexico-grammatical and communicative-pragmatic analysis, as well as categories developed by the theory of text, theory of discourse and narratology, the article describes two semantization strategies of the phrase Homsy: search for isotopy with support for portable values and designing a hypothetical communicative context context in which this phrase could arise. Analysis showed that only the first strategy is able to provide more completed, complete and whole interpretations, while the second strategy that implies a reference to the author's fictitious figure, other than the real author ("Poet", "People's Commissar", "Crazy", "Publicist "And so paragraph.), Only outlines the general direction of interpretation. These two strategies largely assume each other and are often used in the complex, but remain autonomous. By virtue of this, the strategy for the design of a hypothetical communicative context can be considered as a prerequisite for the application of the search strategy of isotopia. At the same time, neither each of these strategies individually nor both strategies in the complex are not able to provide a single "canonical" interpretation of the phrase of Homsy. The analysis also allows us to conclude that the degree of deviation of meaningless speech material from the rules and conventions of the language system largely determines the set of interpretation strategies applicable to it. The results of the study allow you to shed light on communication and interpretation mechanisms, which, in the case of obviously meaningless phrases, appear more brightly.

Keywords: linguistic absurdity; nonsense; nonsense; semantization; interpretation; discourse isotopy; Homsy